

ЧАСТЬ 1

Кровь всегда скажется и свое возьмет.

АРЧИБАЛЬД КРОНИН, «Замок Броуди»

ГЛАВА 1

Николас Бодрийяр не любил ранние подъемы, да и подобные привычки были ему ни к чему. В свои добрые шестьдесят три года он считал, что соблюдение режима — дело исключительно рабочего класса да его нерасторопной и ветхой жены Ангелины. Будучи представительницей рода куда беднее, супруга не позволяла себе оплошать перед мужем, и в своих поступках была права: следовать дисциплине ее научил горький опыт брака с двадцатилетней выдержкой.

Он всерьез считал эту женщину ветхой — хоть она и была моложе его на четверть века, поведение хозяйки дома давно походило на старушечье.

Из некогда привлекательной, стройной черно-волосой кокетки с живыми глазами Лина давно превратилась в бледный силуэт своего реального образа и каждым своим повседневным поступком подчеркивала то, что потухла окончательно и безвозвратно. Впрочем, Николаса это теперь не беспокоило ничуть: опыт супружества он, как и Ангелина, считал весьма горьким, но невероятно поучительным.

Дела сердечные Бодрийяр давно вел за периметром.

Преждевременная старость, настигнувшая жену, мешала лишь одному: общению с отпрысками, которых отец растил и воспринимал как себе равных с момента их рождения. Но никакой великой тайны в таком отношении Николаса к детям не было. Оба наследника, к его счастью, оказались мальчиками.

– Фу.

Я сморщился и обхватил себя руками. Когда дело касалось неправоправия, все мое естество, воспитанное и взращенное, в большей степени, женщинами выступало против.

– Ты бы назвал это мизогинией, мой мальчик. Так ведь звучит современное слово для

определения ненависти к противоположному нам полу?

– Нет, Оуэн, я бы назвал это свинством.

Мы сидели в рабочем кабинете моего врага номер один. Встречи с ним теперь проходили с необъяснимой частотой, на зависть моему бывшему психиатру – доктору Константину. Пару недель назад я получил предложение, от которого не смог отказаться: после того, как игра Джефери была окончена, он, наконец, был готов поговорить со мной по-человечески. И рассказать не с конца, а с начала историю прошлого, пагубно будоражащую наше общее сознание.

Наши разговоры выпадали на ночное время – именно в эти часы хозяин клуба посещал свое заведение с говорящим названием «Hide and Seek» и, к моему удивлению, занимался обычными руководительскими делами. Сверял прибыль, проверял качество предоставляемых услуг по записям с камер и вел беседы с управляющими. Все это происходило под звуки одуряющего техно, заливающего своим ритмом первый этаж. Громкость музыки скрадывала хорошую звукоизоляция кабинета местного босса, и уже на третью встречу я научился ее не замечать.*

* В переводе с англ. — прятки (здесь и далее прим. автора).

– Я не говорил, что все персонажи истории будут тебе симпатичны, – с иронией подметил седовласый мужчина, наполняя пафосный тамблер* для виски обычной водой. Будучи представителем сферы подобного бизнеса, он являл собой одно сплошное противоречие установленным стереотипам – никакого алкоголя, вызывающе броской одежды и вульгарного поведения. Взамен: здоровое питание, официальный костюм и почти джентльменские манеры. В последнее, правда, верилось с трудом – образ «заказчика» квеста, созданный Джереми, все еще сидел у меня в печенках.

– Оставалось надеяться, что моральные уроды не будут присутствовать в твоём повествовании с самого порога, – скривился я.

– Из песни слов не выкинешь. Ты сам ко мне пришел.

Это было правдой. После того, как я вспомнил о своем прошлом, Оуэн ни к чему меня не принуждал и вообще исчез из моей жизни на какое-то время.

Я сам хотел узнать больше и пошел с ним на сделку, условия которой казались мне невероятно лояльными для обеих сторон.

– Пожалуйста, продолжай.

* Бочкообразный или прямой бокал с толстым дном.

С сыновьями жена обращалась строго, стараясь каждого из них наставлять наравне. Этого Николас не любил. Совершенно очевидным для него был тот факт, что младший, Валериан, ныне достигший тринадцати лет, действительно подавал надежды и заслуживал большего внимания, чем его менее любимый ребенок — шестнадцатилетний Герман. Да, оба его чада принадлежали к полу, по его мнению, лучшему, но со старшим с ранних лет что-то было не так. Хотя и для таких, как считал Николас, в его деле могло найтись место. А потому — черноволосого, тощего и так сильно похожего на мать наследника он со счетов не сбрасывал.

Хлопоты матери-старухи над подростками «птенцами» начинались с рассвета. Братья, как и положено, обучались всем основным дисциплинам, этикету, стрельбе и конным поездкам ежедневно. Однако участие Ангелины в жизни своих детей было столь вездесущим, что Бодрийяр к своим детям, без присутствия жены, подобраться практически не мог. Безусловно, он пробовал ставить запреты, закрывать дверь в кабинет на ключ и даже грубо наказывать Лину за непослушание. Но сыновья любили свою мать и в такие моменты к авторитету отца относились с сомнением.

Оставался лишь один способ — угостить супругу на ночь дозой бренди с щепоткой нового средства из собственной лавки, а после — выполнить задачу посложнее и встать со слугами. Одурированная Ангелина, должно быть, проваливается в забытие до обеда — тем лучше.

Тяжело поднявшись под стук трости колотильщика*, Николас опустил свои старые, сморщенные ступни на ковер. Утренний холод пробирал его тело, прокладывая себе путь от затылка до поясницы. Но то, что собирался сделать Николас сегодня, наверняка приблизит времена, когда семья наконец сможет позволить себе топить камины круглосуточно. Подобные мелочи тешили жадность хозяина дома, которая и руководила его действиями, не поддававшимся оценке с точки зрения человеческих последствий.

Одно слово увядающей Мари — и сыновей ушли будить. Нянька, должно быть, обнаружит госпожу в крайне нелицеприятном положении раньше нужного и обязательно поднимет на уши весь дом, но Николас к этому времени уже справится с намеченным планом и будет восседать

* Колотильщик — «живой» будильник времен XIX века. Человек, помогавший рабочим, слугам и мелким служащим вставать вовремя. Передвигался по окрестностям и стучал в окна длинной тростью.

в своем кресле в ожидании наказания супруги за опоздание к завтраку.

Кабинет встретил хозяина дома затхлым запахом, скопившимся с ночи. Слуги еще не успели подготовить комнату к приходу Бодрийяра, а потому — окно пришлось отворять самому. Усиленно скрипя суставами, Николас дернул за старую раму и впустил предрассветный холод в мрачный интерьер. Его богатый стол занимал практически половину комнаты, но без надобности. Хозяин просто любил роскошь и большой масштаб во всем — будь то мебель, шляпа или доход. В любых своих начинаниях он придерживался девиза: «Чем больше — тем лучше».

Книжные полки были заставлены бухгалтерскими журналами и стеклянными пузырьками. Аптекарское дело семьи Бодрийяров шло в гору — и по-другому быть не могло, ведь делом занимался Николас лично. Благодаря умению владельца лавок «Фармация Б.» налаживать контакт с нужными людьми и, главное, оказываться в необходимых местах вовремя бизнес разрастался до настоящей монополии. Люди доверяли семейному ремеслу — и не мудрено: наследие деда обеспечивало не только наличие лекарств от всех недугов, но и особое внимание даже самым бедным поку-

пателям. Но главной причиной растущего бизнеса служили обстоятельства, которые Бодрийяр-старший гордо называл «чистка доброго имени».

Молодой учитель привел детей в кабинет отца через четверть часа и, непринужденно поклонившись, удалился. Бодрийяр никак не мог понять, для чего держали в доме няньку, если он сам нашел двух прекрасных наставников для своих сыновей. Ангелине придется еще раз объясниться с мужем по этому поводу.

— Доброе утро, папа, — с сияющей улыбкой поприветствовал Николаса младший сын.

Как и всегда, Валериан был бодр и буквально источал уверенность в себе. Крепкий парнишка с копной светло-русых кудрей был одет с иголки, модно причесан и собран. Внезапный подъем не стал для него помехой подобающему внешнему виду. Отец самодовольно улыбнулся: наследник подобрал все лучшие его черты. Стоило лишь поставить отпрыска рядом — и в этом не оставалось сомнений.

— Доброе, раннее... — невнятно пробормотал вечно косматый, напоминающий черта из табакерки Герман. Его высокий рост мог стать большим преимуществом в роду весьма коренастых и крепко сбитых Бодрийяров, но в сочетании

с этими астеничными руками и ногами казался абсолютно бесполезным. Николас скривился и перевел взгляд. Одного приветствия старшего ему хватило, чтобы вспомнить о хилом женском теле, что без сознания и цели занимало сейчас общую супружескую кровать.

– Дети, – сухо начал Бодрийяр-старший. – Наше сегодняшнее утро началось с людьми трудящимися, и отнюдь не случайно. Каждый из вас...

Отец замолчал, оставив сыновей в недоумении. Частенько он снижал темп беседы целенаправленно ради того, чтобы сбить с собеседника спесь, однако в этот раз схема сработала бесконтрольно. Бодрийяр-старший не мог начать вещание без трубки, а из-за раннего подъема совсем забыл заблаговременно ее набить.

– И мальчики ждали, пока он засыплет свой табак в полной тишине? Это что, какие-то азы нейролингвистического программирования времен Шерлока Холмса?

Джереми гулко рассмеялся.

– Нет, вот теперь это обычное свинство, Боззи, – он открыл для меня стеклянную бутылочку с газировкой и передал прямо в руки. – Человек действительно может додумать лишнего, если